

Некоторые высказывания излишне категоричны. Так, на стр. 198—201 написано, что дифтонги *ai*, *ei* в жемайтском наречии монофтонгизировались вследствие концентрации силы голоса прерывистой и сильноросрединной интонации на первом компоненте. Но в окрестностях г. Куршенай¹ эти дифтонги монофтонгизированы и в случаях, когда сила голоса указанных интонаций сконцентрирована на втором компоненте (стр. 132—133). На стр. 304 В. Гринавецкис пишет, что в говоре, носителем которого был К. Донелайтис, сохранился согласный *j* после губных *b*, *p*, *v*, *m*. Но в отдельных случаях буква *j* могла обозначать и мягкость согласных, и Донелайтис употреблял букву *j* не только для обозначения звука *j*.

Возможно, следует согласиться с мнением автора о том, что жемайтские говоры сохранили тавтосиллабическое *n* в окончании им. падежа мн. числа причастий прошедшего времени потому, что эта флексия, как свидетельствуют примеры М. Даукпи, была ударной (стр. 218—219). Однако без внимания оставлена точка зрения З. Зинкявичюса, который совершенно по-иному трактует это языковое явление¹. Не совсем ясно, какого мнения придерживается В. Гринавецкис относительно происхождения

дифтонга *ei* в жемайтском доуниинякском говоре: на стр. 192 он утверждает, вслед за К. Яунксом, К. Бугой, А. Салисом, что этот дифтонг происходит из древнего **ɛ*, а на стр. 193—194 склоняется к мнению Й. Казлаускаса, что *ei* в доуниинякском говоре является не чем иным, как древним *ei* с суженным первым компонентом.

Жемайтское наречие имеет много общих черт с верхнелатышским диалектом. Например, как в том, так и в другом диалектах наблюдается самая сильная лабиализация гласных звуков *a*, *ā*, дифтонгизация гласного *ē* в *ie*, монофтонгизация дифтонгов *ie*, *uo*, изменение гласного *e* в *a* и т. д. В исследовании не затронута проблема взаимоотношений этих двух балтийских говоров.

Отмеченные здесь некоторые недочеты, разумеется, не снижают научной ценности серьезного труда В. Гринавецкиса. Тщательность, точность и объективность ученого хорошо известны языковедам и по многим другим его работам.

Рецензируемая монография является самым полным исследованием по фонетике жемайтского наречия. Своим исследованием В. Гринавецкис внес значительный вклад в изучение диалектов Литвы, что позволяет считать его работу одним из наиболее ценных трудов по балтике.

¹ Z. Z i n k e v i č i u s. Lietuvių dialektologija, Vilnius, 1966, стр. 78.

Е. И. Кедайтене

«The Hungarian language». Edited by L. Benkő and S. Imre. — Akadémiai Kiadó, Budapest, 1972. 379 стр. + 16 facsim.

Рецензируемая книга состоит из девяти относительно самостоятельных разделов: 1) «Происхождение венгерского языка» (стр. 15—48, автор П. Хайду); 2) «Историческая фонология венгерского языка» (стр. 49—83, Б. Калман); 3) «Грамматическая система венгерского языка» (стр. 85—170, Ш. Карой); 4) «Лексика венгерского языка» (стр. 171—226, Л. Бенкё); 5) «Собственные имена в венгерском языке» (стр. 227—253, Л. Бенкё); 6) «Стандартный венгерский язык» (стр. 255—297, Л. Деме); 7) «Диалекты венгерского языка» (стр. 299—326, Ш. Имре); 8) «Ранние памятники венгерского языка» (стр. 327—348, Ш. Имре); 9) «Очерк истории венгерского языкознания» (стр. 349—377, И. Сатмари). Разделы книги снабжены библиографией наиболее важных трудов по рассматриваемым вопросам. К книге приложены 1) список лингвистических журналов, издаваемых в Венгрии, как и наиболее важных трудов по венгерскому и финноугорскому языкознанию; 2) факсимиле отдельных страниц древнейших памят-

ников венгерского языка и венгерской письменности. Посвященные различным вопросам венгерского языкознания разделы книги составляют единую монографию несмотря на то, что мнения авторов, видных ученых Венгрии, по некоторым вопросам не согласованы, к тому же авторы придерживаются разных взглядов и на методы исследования отдельных вопросов. Как указано в предисловии, издатели сочли полезным сохранить за авторами право высказывать мнения и применять методы, отражающие разные стороны современного состояния венгерского языкознания.

Так, П. Хайду, имеющий ряд ценных работ по вопросам этногенеза венгров и их прародины, придерживается комплексного метода исследований, учитывая новейшие результаты разсыканий лингвистов, историков, археологов, антропологов, палинологов. В частности, опираясь на новейшие исследования по пыльцевому анализу растений, некогда распространенных в Восточной Европе и Западной Азии, и принимая во внимание

наличие соответствующих ботанических названий в лексике уральского языка-основы, П. Хайду смог уточнить свои прежние взгляды относительно прародины уральцев, которая, по выводам рецензируемой книги, в VI—IV тысячелетиях до н. э. находилась севернее средней части Уральских гор, по нижнему и среднему течению Оби и в ареале северного Урала, включая район истока Печоры (стр. 23). Известно, что П. Хайду в своих ранних работах высказывал иную точку зрения, согласно которой прародина уральцев находилась южнее и западнее указанной территории¹.

Процесс разветвления уральской языковой семьи вплоть до формирования венгерского языка автор иллюстрирует удачной схемой, в которой делается и попытка хронологизации. Характеризуя структуру уральского языка-основы, П. Хайду допускает разные решения ряда вопросов, например, о долгих и редуцированных гласных в первом слоге слова протоуральского языка, об исконных возможностях использования *i* в суффиксах. Придерживаясь традиционного взгляда, суффикс мн. числа *-*k* он возводит к прафинно-угорскому периоду, тем самым отвергая мнение ряда современных ученых, предполагающих, что -*k* в венгерском и некоторых других языках появилась из разных источников уже после распада финно-угорского языка-основы. Используя новейшие размышления, П. Хайду относит оппозицию объектной (определенной) и безобъектной (неопределенной) парадигм глагольного спряжения к протоуральскому времени (стр. 43—44).

Прослеживая судьбы фонем праненгерского периода и периода, зафиксированного в памятниках письменности, Б. Калман подробно рассматривает фонологическую систему современного венгерского языка. Как и П. Хайду, допускает разные решения вопроса об оппозиции долгих и редуцированных гласных в уральском языке-основе, наличие гласных *i* и *y* признается спорным для прауральского, но вероятным для праугорского периода (стр. 51). Результаты анализа обобщены в таблицах согласных и гласных фонем старых периодов венгерского языка (стр. 51, 52); наглядно представлены способы устранения в начале слова скопления согласных в заимствованиях из других языков (см. стр. 59). Особенно интересны статистические данные о дистрибуции гласных и согласных фонем современного периода (стр. 77—78). Фонемы (*t'*) и (*d'*) (орфогр. *ty* и *gy*) отнесены к аффрикатам (стр. 70—71), между тем как традиционно они считаются смычными.

Грамматический раздел, наиболее обширный в книге, по своему изложению значительно отличается от других разделов. В предыдущих, а также в двух последующих разделах авторы прослеживают рассматриваемые явления, начиная с древнейших периодов до современного состояния, структурные же особенности современного языка освещаются, главным образом, в конце раздела. В третьем разделе, напротив, основное внимание уделено структурному исследованию синтаксиса и морфологии современного языка, а исторические данные приведены только в виде дополнительных справок.

Ш. Карой рассматривает грамматическую систему венгерского языка, в основном, исходя из структуры предложения и слогосочетаний (собственно морфологический подход применяется только в разделе о словосочетании, стр. 149—157). Синтаксические связи в главе представлены в новом (иногда очень остроумном) освещении, их типы иллюстрированы многочисленными схемами и таблицами (например, на стр. 106, 108—109, 142 и т. д.). Значительно отличаясь от традиционных грамматических очерков, этот раздел представляет большой интерес.

Четвертый раздел распадается на две части. В первой из них, посвященной исследованию происхождения и развития лексики венгерского языка, рассматриваются древние словарные пласты, унаследованные из уральского, финно-угорского, угорского языков-основ; здесь же обобщены исследования по заимствованиям из иранских, тюркских, славянских, германских и романских языков, а также по интернациональным словам, принятым венгерским языком. Анализируются также междометия, звукоподражательные и изобразительные слова, появившиеся в результате внутреннего развития языка; сообщаются сведения и о словах, заимствованных другими языками из венгерского.

Особый интерес представляет вторая часть раздела, посвященная структурным проблемам венгерской лексики. Опираясь на фундаментальные исследования последних десятилетий, связанные с составлением больших этимологического и историко-этимологического словарей, Л. Бенкё, главный редактор последнего словаря, сообщает ценные сравнительные данные о старом (XIII в.) и современном состоянии лексики венгерского языка (см. табл. на стр. 202, 206, 208 и сл.). Так, из таблиц мы узнаем процентные соотношения древних (исконных) и заимствованных слов, «слов внутреннего развития» (autonomous) и слов неизвестного происхождения в венгерском языке XIII в. и в современном языке (стр. 202), статистические соотношения одно-, двух-, трехсложных (и более) слов, производных и сложных слов по их встречаемости в текстах (стр. 208 и 209), статистические

¹ П. Х а й д у, К этногенезу венгерского народа, AL, II, fasc. 3—4, Budapest, 1953, стр. 266.

данные о встречаемости частей речи (стр. 210) и т. д. Эта часть завершается очерком о функциональном использовании слов (диалектная и профессиональная лексика и т. д.).

В пятом разделе рассматривается происхождение личных и географических названий, употребляемых в венгерском языке, а также способы номинации в разные периоды развития венгерского языка, начиная с древнейших памятников и кончая современным венгерским языком.

Объясняя, что термином «стандартный венгерский язык» обозначается общий для венгров вариант родного языка, имеющий нормативную функцию (стр. 255), автор шестого раздела рассматривает названный вариант на разных этапах развития, особое внимание уделяя вопросам развития письменности, борьбы за обогащение литературного языка и за культуру речи.

В седьмом разделе анализируются как старые диалекты в разные периоды их развития, так и современные диалекты. При классификации последних Ш. Имре правильно понял задачи рецензируемой книги. Являясь автором фундаментального исследования, в котором с большой точностью определены свыше тридцати крупных диалектных типов, в данном разделе он ограничился выделением лишь шести основных диалектов (в отличие от Б. Калмана, который выделяет восемь), но при этом он четко охарактеризовал проблематику венгерской диалектологии по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике.

В обзоре памятников венгерского языка (восьмой раздел) вместе с первыми разрозненными словами, зафиксированными в иноязычных текстах, учтены также первые связанные рукописные и ранние печатные произведения на венгерском языке. Характеризуя их, Ш. Имре приводит образцы этих текстов.

В очерке истории венгерского языкознания (девятый раздел) особое внимание уделено последнему по времени периоду. Объективно оценивая выдающиеся заслуги языковедов Венгрии, И. Сатмари отдает должное и лингвистам, исследующим венгерский язык вне Венгрии, в том числе — в Советском Союзе.

Книга написана на столь высоком научном уровне и так тщательно отредактирована, что нижеследующие замечания относятся, главным образом, к спорным вопросам или отражают пожелания рецензента в отношении возможных уточнений и дополнений.

По мнению П. Хайду, прауральский глагол отличался от имени только способностью иметь форму наклонения (стр. 37); нам представляется, что следовало бы добавить еще отрицательный признак: неспособность изменяться по падежам, поскольку для уральской языковой общности не признается наличия

категорий причастия и инфинитива. Примечательно, что П. Хайду считает общим для прауральского глагола и имени не только изменение по лицам (имеются в виду личные глагольные и лично-притяжательные именные окончания), но также и изменение по временам, имея в виду, что в уральском языке-основе чисто именное (без связки) сказуемое, подобно глагольным сказуемым, могло иметь форму как настоящего, так и прошедшего времени. Однако сказуемое изменение, хорошо прослеживающееся в самодийских языках, из финно-угорских языков представлено только в мордовских; поэтому вполне допустимо, что в последних оно развилось самостоятельным путем.

Непонятно высказывание о том, что в качестве вопросительных местоимений чаще всего употреблялись **ke*, **ku*, **ti* (стр. 39): в протоуральском других вопросительных местоимений не было. П. Хайду допускает, что в протоуральском уже существовали предшественники современных послелогов (стр. 37, 46). Хотелось бы добавить, что такими предшественниками могли быть некоторые имена, в основном, пространственной семантики, которые, употребляясь безударно после другого имени, от случая к случаю выполняли функцию послелогов. О позднем появлении собственно послелогов свидетельствует то, что современные послелогов (даже имеющие этимологически общую корневую морфему) в разных финно-угорских языках оформлены разными застывшими падежными формантами, соответствующими в каждом конкретном языке падежным формантам именно данного языка, ср. венг. *alatt*, фин. *alla*, морд. *alo* «под» венг. *alól*, фин. *alta*, морд. *aldo* «из-под».

Сведения о частотности фонем (стр. 77) следовало бы дополнить соответствующими данными о геминированных согласных, поскольку противопоставление простых и геминированных согласных в венгерском имеет фонологическое значение. Таблицы суффиксов склонения и спряжения (стр. 127, 160) содержат только основные элементы суффиксальных морфем; однако учитывая, что рецензируемая книга рассчитана на иностранных читателей, было бы целесообразно дополнить соответствующие таблицы данными, отражающими употребление и так называемых «соединительных гласных».

Ш. Карой называет «связкой» (*сорула*, стр. 86) слово *van* в предложениях типа *A könyv az asztalon van* «Книга находится на столе», *Az ócsémnek autója van* «у моего младшего брата есть машина». Однако в подобных примерах *van* выступает как полнозначный глагол, а не как вспомогательный элемент, в отличие от предложенного, приведенных автором на той же странице, в которых *van* (*voit*) действительно выступает как связка: *A bátyám ügyes* «Мой брат ловок», *A bátyám katona*

voit «Мой брат был воепным». Различные полнозначного *van* и глагола-связки *van* чрезвычайно важно для системы венгерского языка; от этого зависит употребление или неупотребление глагольных форм *van* и *vannak*.

Обращая внимание на согласование указательного местоименного определения с определяемым в падеже: *az-t a könyve-t* «ту книгу» (стр. 89), автор не упоминает о согласовании в числе (например: *azo-k a könyve-k* «те книги»); следовало бы отметить также, что из указательных местоимений согласуются только *ez* «этот», *az* «тот» и их производные типа *ugyanaz*, *amaz* и т. д., на другие же указательные местоимения (типа *ilyen*, *olyan*) согласование не распространяется.

В связи с употреблением объектного спряжения (стр. 98) перечисляются не все случаи «определенности» объекта: не упоминаются аккузативные формы возвратного и указательных местоимений (*magamat*, *magadat*, *ezt*, *azt*) и некоторые более редкие, но вполне закономерные случаи (*valamennyit*, *mindet* «все») и т. д.

Первые славянские слова, заимствованные венгерским языком еще до прихода венгров в бассейн Дуная и Тисы (конец IX в.), восприняты собственно не из русского языка (стр. 182), а из восточнославянского: в то время восточнославянская ветвь языков еще не была разделена.

В раздел о собственных именах было бы желательно включить и наблюдения над кличками животных, а также названиями звезд.

Подобные замечания можно было бы сделать по всем разделам, но, как и вышеприведенные, они затрагивали бы лишь несущественные или спорные стороны рецензируемой работы.

Рецензируемая книга, во многих частях оригинальная, несомненно, будет весьма полезна широким кругам лингвистов, так как содержит все необходимые сведения о венгерском языке и венгерском языкознании.

К. Е. Майтинская